

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК: 808.2–3:882–3

ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТАХ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ ГОСПОДИНА ГОЛЯДКИНА В ПОВЕСТИ «ДВОЙНИК» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Батурина Евгения Николаевна,

*специалист–лингвист оргуправления
аппарата губернатора и правительства
Еврейской автономной области,
кандидат филологических наук, доцент,
679016, Российская Федерация, г. Биробиджан,
ул. Шолом-Алейхема, 39, кв. 14.
Тел.: 89841250923, e-mail: murzilka240163@mail.ru*

В статье представлены результаты анализа контекстов внутренней речи главного героя в повести «Двойник» Ф. М. Достоевского, содержащих лексему «человек». Именно в этих контекстах наиболее выпукло отражен феномен раздвоения в сознании человека.

Ключевые слова: *контекст, внутренняя речь, феномен раздвоения.*

В 1839 г. в письме брату Михаилу Ф. М. Достоевский писал: «...человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать ее всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [2, 63]. Вне сомнения, что именно «человек» – ключевое понятие в индивидуально-авторской картине мира Достоевского – художника и мыслителя. В каждом периоде творчества, в каждом произведении это ключевое слово наполнено по-особому неповторимым внутренним смыслом.

Важное место эта лексема занимает и в повести «Двойник» – втором произведении писателя, впервые опубликованном в феврале 1846 г. На первый взгляд, «Двойник», в отличие от романа в письмах «Бедные люди», представляет собой традиционный рассказ с повествователем. Но повесть эта во многом носит экспериментальный характер. Специфика организации повествования в «Двойнике» заключается в том, что голос рассказчика (повествование от автора) и голос главного героя, Якова Осиповича Голядкина (Голядкина–старшего), тесно переплетаются между собой, «сближаются» в форме несобственно-прямой речи.

Второе произведение Достоевского необычно тем, что, продолжая тему двойников, разработанную в немецкой литературе Э. Т. А. Гофманом, а в русской – А. Погорельским, молодой писатель связывает «ее с мотивами безумия (и шире – потрясенного сознания) героев» [2, 488]. Феномен раздвоения в сознании человека показан в «Двойнике» одновременно и глазами автора–повествователя, и самого героя–безумца.

По нашему мнению, этот феномен наиболее ярко отражён в контекстах с внутренней речью главного героя, содержащих лексему «человек». Под внутренней речью героя мы понимаем его речь «про себя», без произнесения вслух. Обычно фрагменты внутренней речи вводятся в текст с помощью глаголов: «подумал», «почувствовал», «помыслил» и т. п. Контексты внутренней речи Голядкина–старшего, как уже было сказано, были рассмотрены нами в повести в рамках несобственно–прямой речи.

Среди них можно выделить несколько групп: «характеристика героем самого себя»; «характеристика Голядкиным–старшим Голядкина–младшего (т. е. своего двойника); «контексты–характеристики других героев»; «реплики внутренних диалогов господина Голядкина с его воображаемыми собеседниками».

Одна из самых немногочисленных по составу – 1-я группа: 3 контекста. Лишь в одном из них господин Голядкин выражает самооценку: «Нет, уж что проникнуть, когда *характер у человека такой!* [Курсив наш. – Е. Б]. Эка ведь тенденция подлая! Струсил как курица» (Д I, 132).^{*} В другом фрагменте герой выражает свое неприятие «обиды», нанесенной ему его соперником – Голядкиным–младшим: «Покорись он... простил бы ему... Но, как ветошку, себя затирать я не дам. И не таким людям не давал я себя затирать, тем более не позволю покуситься на это *человеку развращенному*. Я не ветошка; я, сударь мой, не ветошка!» (Д I, 168). И вновь в который раз большое сознание господина Голядкина пронзает мысль–протест: «Я не ветошка!», «Человек не ветошка!», а в подтексте звучит: «Я человек!».

В 3-м контексте герой Достоевского в воображаемом диалоге с его превосходительством пытается защитить свою самость, свое че-

ловеческое «Я»: «Он другой человек, ваше превосходительство, а я тоже другой человек; он особо, и я тоже сам по себе» (Д I, 213). Сочетание *сам по себе* неоднократно встречается в речи главного героя «Двойника». На этот факт указывал М. М. Бахтин: «Речь Голядкина стремится прежде всего симулировать свою полную независимость от чужого слова: «он сам по себе, он ничего». <...> он себя убеждает, себя ободряет и успокаивает и разыгрывает по отношению к себе самому другого человека» [1, 246].

Особый интерес представляют контексты 2-ой группы. В них отражено отношение господина Голядкина к своему двойнику – порождению его раздвоенного сознания. С точки зрения здравого смысла, это, по сути, контексты речи Голядкина о самом себе, точнее, об иной, до некоторых пор неосознаваемой им стороне своего внутреннего «Я» – alter ego. Условно их можно разделить на 2 типа: «оправдывающие» и «разоблачающие».

В «оправдывающих» контекстах выражено сочувствие и понимание Голядкиным человека, попавшего в тяжелую ситуацию. Вот эти характеристики: «Бедный человек <...> в свое время пострадал» (Д I, 154); «...одно шекотливое обстоятельство <...> не может замарать человека» (Д I, 156); «...когда не виноват человек, когда сама природа сюда замешалась» (Д I, 156); «...гость его должен быть весьма любезный человек во всех отношениях» (Д I, 132); «...чтоб не сконфузить и без того уже пострадавшего человека» (Д I, 132); «Человек же он бедный, затерянный, запуганный» (Д I, 172).

Слово «человек» здесь сочетается с предикатами: «бедный», «не виноват», «любезный во всех отношениях», «без того уже пострадавший», «затерянный», «запуганный». Все они, кроме «любезный во всех отношениях», могут быть рассмотрены как контекстуальные синонимы. Еще в одном контексте «оправдывающего типа»: «Ну, пришлось, устроился, самой природой устроился так человек, что две капли воды похож на другого человека, что совершенная копия с другого человека: так уж его за это и не принимать в департамент?!» (Д I, 172) – мы выделили курсивом развернутые номинации, синонимичные слову «двойник».

Контекстов «разоблачающего типа» всего три. Один из них уже был рассмотрен нами среди контекстов с самооценкой господина Голядкина: «... как ветошку, себя затирать я не дам. И не таким людям не давал я себя затирать, тем более не позволю покуситься на это человеку *развращенному*. Я не ветошка; я, сударь мой, не ветошка!» (Д I, 168). Здесь господин Голядкин–младший охарактеризован как человек *развращенный*.

В другом фрагменте выражено изумление и растерянность Голядкина перед поведением «друга и приятеля его» (Д I, 161) на службе: «... я уже давно предчувствовал, что он по особому поручению, <...> что непременно *по чьему-нибудь особому поручению употреблен человек...*» (Д I, 162). В выделенной нами формулировке лексема «человек» в сочетании с кратким страдательным причастием «употреблен» выступает в конструкции пассивного залога. В этой внутренней реплике – отражение ситуации самоотчуждения человека, полной утраты им своего «Я». Если человек «употреблен кем-то», он превращается в близкую вещь.

В 3-ем контексте «разоблачающего характера» – мысли господина Голядкин–старшего, наблюдающего за господином Голядкиным–младшим со стороны: «Желал бы я знать, чем он именно берет в обществе высокого тона? Ни ума, ни характера, ни образования, ни чувства; везет шельмецу! Господи боже! ведь *как это скоро может пойти человек*, как подумаешь, и «найти» во всех людях! И *пойдет человек*, клятву даю, что *пойдет далеко*, шельмец доберется, – везет шельмецу!» (Д I, 200). Здесь лексема «человек» реализуется в сочетании с фразеологизмом «далеко пойти», точнее, сам фразеологический оборот используется в трансформированном виде.

Среди фрагментов внутренней речи Голядкина, характеризующих других героев, особенно эмоциональной кажется негативная оценка Андрея Филипповича – начальника отделения, человека вышестоящего: «Ему-то что? Старая петля! всегда на пути моем, всегда черной кошкой *норовит перебежать человеку дорогу*, всегда-то *да в пику человеку; человеку-то в пику да поперек...*» (Д I, 151). Мы видим, что здесь в сочетании со словом «человек» употребляются фразеологизмы «перебежать дорогу», «в пику» и наречие «поперек», которые в контексте сближаются по смыслу: «назло», «наперекор», «вопреки», «в противовес».

Рассмотренный фрагмент – часть внутреннего монолога господина Голядкина, его рассуждений по поводу реакции начальства на появление господина Голядкина–младшего. Мнительность, подозрительность и недоверчивость, резкие перепады настроения главного героя отражены в монологах подобного типа. Речь Голядкина в них перемежается с вкраплениями голоса рассказчика: «Так как же это? – думал про себя господин Голядкин, – так вот у нас игра какова! Так вот у нас какой ветерок теперь подует... Это недурно; это, стало быть, наиприятнейший оборот дела приняли, – говорил про себя герой наш, потирая руки и не слыша под собою стула от радости. – Так дело-то наше обыкновенное дело. Так все пустьчками кончается, ничем разрешается. В са-

мом деле, никто ничего, и не пикнут, разбойники, сидят и делами занимаются; славно, славно! я *добротоу человека* люблю, любил и всегда готов уважать...» (Д I, 151).

В контекстах реплик внутренних диалогов Голядкина с воображаемыми собеседниками по-особому ярко проявляются такие черты его речи, как просительная интонация, интонация самооправдания, многословность, витиеватость, паузы, претензия на высокий стиль: «Дескать, так и так, ваше превосходительство, защитите и *облагодетельствуйте человека*; <...> не погубите, принимаю вас за отца, не оставьте... амбицию, честь, имя и фамилию спасите... и *от злодея, развращенного человека*, спасите...» (Д I, 213). Те же черты проявляются и в так называемых ответных репликах воображаемых собеседников: «Дескать, *благодетельный, за меня страждущий и всячески милый сердцу моему человек* и так далее» (Д I, 222). Можно отметить, что внутренняя речь героя Достоевского во многом передает нюансы его внешней, звучащей речи.

Таким образом, наблюдения над фрагментами внутренней речи господина Голядкина, содержащими лексему «человек», позволили сделать некоторые **выводы**. Самой многочисленной по составу является группа контекстов, в которых господин Голядкин–старший выражает свое отношение к господину Голядкину–младшему. Их можно разделить на «оправдывающие» и «разоблачающие» контексты. В «оправдывающих» контекстах был выделен синонимический ряд предикатов позитивной оценки, сочетающихся с лексемой «человек».

По нашему мнению, контексты данной группы особенно выпукло с помощью ключевого слова «человек» характеризуют феномен раздвоенного сознания главного героя через «внутренний взгляд» его самого на «самого себя» – своего двойника. Контексты с лексемой «человек» во внутренней речи Я. О. Голядкина «оправдывающего» (с позитивной оценкой) и «разоблачающего» (с негативной оценкой) типа отражают, как ни парадоксально это звучит, двойственность в отношении героя Достоевского к своему двойнику. Во фрагментах с внутренней речью господина Голядкина, в целом, были отмечены фразеологические единицы и их трансформации, употребленные в сочетании с лексемой «человек». В немногочисленных внутренних диалогах Голядкина–старшего с воображаемыми собеседниками степень проявления феномена раздвоенного сознания несколько «сглажена» благодаря витиеватости слога и претензии на высокий (официальный) стиль.

Впервые в русской литературе внутренний процесс раздвоения в сознании человека Достоевский делает объектом непосредственного наблюдения не только с точки зрения автора–повествователя и с точки зрения воспринимающего текст читателя, но и с точки зрения самого

героя, переживающего этот процесс. Иначе говоря, в «Двойнике», показана внутренняя диалектика феномена раздвоения. Поэтому именно в контекстах внутренней речи главного героя «Двойника» с ключевым словом «человек» (по сути, в его «обнаженном» в словесных формах, по воле автора, сознании) наиболее отчетливо раскрывается «тайна» господина Голядкина как тайна «душевной жизни» бесконечно одинокого человека. Тайна жизни, в которой, выражаясь словами М. М. Бахтина, «диалог с самим собой» «позволяет заменить своим собственным голосом голос другого человека» [1, 131].

Примечания

*Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского приводятся в тексте статьи в круглых скобках с употреблением сокращения *Д.* и указанием номера тома и страницы.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.
2. Фридлиндер Г.М. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. С. 456–514.

THE LEXEME «CHELOVEK» IN THE CONTEXTS OF GOLYADKIN'S INTERNAL SPEECH IN THE POEM «DVOYNIK» BY F. M. DOSTOYEVSKY

Baturina Yevgeniya Nikolayevna,

*Ph.D., Philosophy Doctor,
specialist–linguist of Arguably office of the Governor
of the Jewish Autonomous region (JAR),
(Birobidzhan, Russia),*

Tel.: 89841250923, e-mail: murzilka240163@mail.ru

Results of the analysis of the contexts of the internal speech of the main character in the story Dostoyevsky's Double containing a lexeme «chelovek» are presented in article. The phenomenon of bifurcation of consciousness of the person is most brightly reflected in these contexts.

Keywords: *context, inner speech, the phenomenon of bifurcation.*

References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoyevskogo [Problems of Dostoyevsky's poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ. 1979. 320 p.
2. Fridlender. G.M. Primechaniya [Comments] // Dostoyevskiy F.M. Polnoye sobraniye sochineniy v tritsati tomah [The complete works in thirty volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. 1. Pp. 456–514.